

A. M. SCHUBERT
THE REPRESENTATIVE CAPACITIES
OF THE EWENKEE (TUNGUS) CHILDREN
Leningrad
1935

Ответств. редактор *Я. Алькор.*

Технич. редактор *Д. Кологради.*

Сдана в произв. 10/IX 1935 г. Подписана к печати 29/XII 1935 г. С.-ф. 62×94.
Зак. № 1925. Тир. 1500. Печ. л.—2¹/₂. Кол. зн. в 1 п. л. 52576. Ленгорлит 30709.

Тип. Районного Изд-ва «Звезда». Новгород, Кремль,

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Одним из наиболее отсталых участков на фронте психологии и педагогики является национальный участок — изучение особенностей развития детей многочисленных национальностей, населяющих Советский Союз. Есть целые народы, а к таковым относятся в первую очередь народности, населяющие Север нашего Союза, дети которых ни разу в истории не подвергались систематическому психологическому и педагогическому исследованию. Дети этих народностей являются поэтому для науки почти неизвестной величиной.

Такое положение вещей, несомненно, препятствует правильной организации педагогического процесса, повышению эффективности учебной и воспитательной работы. Вся педагогическая работа с северными детьми покоилась до последнего времени на предпосылке, заключающейся в том, что этот ребенок мало чем отличается от русского ребенка. В психологической и педагогической практике это приводило к тому, что использовались для изучения умственного развития детей указанных народностей тесты Бине, Россолимо, разработанные на детском населении центральных районов Советского Союза. В результате такого рода психологических исследований умственное развитие детей этих народностей „снижалось“ по воле исследователей на несколько лет. Не приходится говорить о том, что исследователями не учитывалось все своеобразие культурно-бытовой обстановки, ее влияния на развитие ребенка и на особенности его личности.

Мы хотели бы обратить внимание читателя на одну особенность, характеризующую многочисленные исследования, проводимые в буржуазных странах (этим отличаются и некоторые наши исследования), посвященные изучению особенностей детства народов так называемой „примитивной“ культуры. Красной нитью во всех этих исследованиях проходит стремление установить в первую очередь различие в особенностях развития и поведения детей изучаемых народностей с детьми народов, стоящих на высокой ступени культурного развития, доказать значительное превосходство последних перед детьми исследуемых народностей. Установки такого порядка являются наследием традиционно-психологического подхода к этим народностям как к дикарям и людям, стоящим на самой низкой ступени культурного развития.

Известный интерес в этом отношении представляет работа японского психолога Сада—„Японо-китайские отношения в психологическом аспекте“, опубликованная несколько лет тому назад в Японии.

В этом „исследовании“ автор отмечает наличие у китайцев „психологии угнетенности“ (психологии, присущей вообще поработанным народам), чем он объясняет наличие враждебности у китайских масс к японским империалистам.

Автор считает необходимым реализовать на практике понятие „толерантности к превосходству“, т. е. добиться признания поработанным народом культурного господства народа-победителя (этим самым привести китайцев к полной ассимиляции). Для этого автор предлагает создать как можно больше близка у японской культуры с целью воздействовать на китайскую психологию.

Такой же психологический рецепт прописывает автор для ликвидации враждебности, имеющей место у китайских трудящихся масс по отношению к японским империалистам.

Мы видим уже из вышеуказанного, как под тонкой оболочкой психологии ясно вырисовываются хищнические вождедения японского империализма.

Нужно сказать, что стремление к разрешению всех важнейших задач мировой политики средствами психологической лаборатории, стремление психологически обосновать теорию высших и низших рас особенно ярко выявляется в Германии, в среде немецких фашистских психологов.

Одним из крупнейших представителей этого течения является несомненно Е. Иенш. Иенш пользуется широкой известностью в международной среде психологов благодаря своим работам в области эйдетики. Оставляя за собой право вернуться к анализу современной постановки вопросов эйдетики, мы остановимся сейчас лишь на затронутом нами вопросе.

Большой интерес представляет с этой точки зрения его книга „Состояние и задачи психологии. Ее миссия в немецком национальном движении и в перестройке культуры“. В своей работе автор протягивает прямые нити от своих прежних работ, посвященных в основном изучению эйдетических предрасположений, к фашистской психологии, стремясь доказать правильность всех положений, выдвинутых Гитлером и его сподвижниками.

Вполне естественно, что значительное место в своей книге он уделяет Советскому Союзу. Он откровенно утверждает необходимость создания в Германии защитного вала для предохранения европейской культуры от проникающей в нее материалистической волны. Этим самым он дает свое „психологическое“ благословение Гитлеру продолжать воснизацию Германии, направленную в основном против СССР.

Иенш сам указывает, что „важнейшие задачи мировой политики могут быть разрешены только психологами, которые должны установить строго эмпирически и точно определенные своеобразные основные структуры личности, которые господствуют у определенных народов и которые в течение веков представляют область беспокойства и угрозы европейскому миру“.

В последних своих работах, посвященных разработке учения о человеческих типах, он закладывает фактически психологический фундамент под расовую теорию, столь усиленно разрабатываемую в настоящий момент в Германии.

Иенш совместно со своими учениками разбивает все человечество на два основных неизменных типа: высший и низший.

Высший тип — это тип цельный (интегрированный — J-тип); низший тип — тип не цельный (дезинтегрированный — S-тип). К J-типу он отнес всех чистокровных германцев; к S-типу — всех французов, евреев, всех марксистов и, повидимому, все народы примитивной культуры. Итальянцев и англичан он считает продуктом комбинации обоих типов.

Интереснее всего то, что наиболее характерной особенностью высшего, „интегрированного“ типа Иенш считает предрасположение к эйдетицизму. Идеализируя эйдетический тип представлений, Иенш тем самым отказывается от всех исследований, представляющих, повидимому, для него „грехи молодости“.

В самом деле Иенш в своих ранних исследованиях, создавших заслуженно ему имя крупного психолога, утверждает, что эйдетический тип представлений является типично детским типом представлений, характерным, следовательно, для человека, обладающего относительно примитивной психикой. Он утверждает вполне справедливо, что эйдетицизм является особенностью определенной возрастной фазы, угасающей, следовательно, в дальнейшем.

В настоящее время Иенш, как мы уже указывали выше, занимается идеализацией эйдетицизма, считая наличие его у человека, повидимому, наиболее ценным приобретением, полученным в результате достигнутого высокого уровня культурного развития. Таким образом, как остроумно указывает П. П. Блонский в своем введении к работе советского психолога Феймана „Эйдетицизм и школьный возраст“, оказывается, что идеальным типом по Иеншу, к которому он отнес всех фашистов, является тип эйдетика — тип ребенка-эйдетика и дикаря.

Такого рода великодержавно-презрительное отношение к другим народам было характерно в прошлом у нас не только для царских чиновников, но даже для части образованной и „гуманной“ русской интеллигенции.

Блестящей иллюстрацией к данному положению могут явиться несколько строк из надписи известного поэта А. Фета, сделанной им на книжке стихотворений Тютчева:

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Как известно, мрачное предсказание Фета не исполнилось.

Октябрьская революция положила конец тому жесточайшему гнету и хищнической эксплуатации, которым подвергались народы крайнего Севера и в результате которых явились их вымирание и чрезвычайная культурная отсталость.

Практическое осуществление ленинско-сталинской национальной политики обеспечило подъем хозяйства и культуры народов крайнего Севера. Слова Сталина о том, что „развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и ускорением общеобязательного образования на родном языке“, были претворены в жизнь. На сегодняшний день одержан ряд крупных побед в области всеобщего начального обучения и ликвидации неграмотности среди национальных меньшинств.

Могучий толчок развитию культуры народов крайнего Севера дало создание письменности на всех языках крайнего Севера. В итоге работы Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера и северного сектора Учебно-педагогического издательства закончено в основном издание букварей на языках народов Севера, изданы стабильные учебники по родному языку и арифметике для первого и второго годов обучения и издана соответствующая партийно-массовая и детская литература. Издан ряд методических книжек, составленных в помощь учителю северной национальной школы.

В 1934 г. школьной сетью охвачено 60,50% всех детей школьного возраста. Уже к началу 1934 года общая грамотность народов Севера достигла 24,9 процента.

Даже эти небольшие данные, приведенные нами выше, ярко демонстрируют грандиозные победы, одержанные народами крайнего Севера под руководством партии и советской власти в борьбе за социализм.

Наши теоретические исследования преследуют в конечном результате одну и ту же цель: осветить путь дальнейшего развития этих народов к социализму.

Перед нашими исследователями-педологами стоит соответственно этому другая задача: создание объективной педологической характеристики ребенка этих народов, вскрывающей все положительное и отрицательное своеобразие психики и поведения подобного ребенка и показывающей, как общие законы детского развития принимают специфическое, конкретное выражение в данной культурно-бытовой среде, как они преломляются сквозь данную конкретную историческую национальную форму существования всей народности" (Л. С. Выготский).

С этой точки зрения представляет значительный интерес публикуемая работа А. М. Шуберт „Изобразительные способности детей эвенков (тунгусов)". Автор подвергает анализу в данном исследовании богатый материал в виде рисунков, собранный учениками-студентами педологического отделения бывшего педагогического факультета 2-го Московского государственного университета (ныне Московский педагогический институт им. Бубнова). Автор в своей работе излагает воззрения основных художественных школ о причинах, вызвавших появление высокоразвитых изобразительных способностей у народов, стоящих на низкой ступени культурного развития, что является, несомненно, большим достоинством этой работы. К сожалению, в работе недостаточно глубоко вскрыты корни и показаны основные ошибки теорий, излагаемых этими школами. Целый ряд выводов, делаемых автором, проблематичны и безусловно требуют подтверждения в глубоких экспериментальных исследованиях. К таковым относится в первую очередь указание автора на наличие у детей и подростков изучаемых ею народностей эйдетических предрасположений.

Для того чтобы ответить на этот вопрос утвердительно, необходимо предварительно дать четкий ответ на два вопроса. Содержание первого вопроса в основном сводится к следующему: присуща ли эйдетическая способность в значительной своей части умственно-отсталым и культурно-неразвитым детям? Такой точки зрения придерживаются в своей книге „Этюды по истории поведения человека" покойный Л. С. Выготский

и А. Р. Лурия. Они считают, что эйдетизм является „примитивным механизмом“, характеризующим стадию развития натуральной памяти.

Содержание второго вопроса сводится к следующему: присуща ли эйдетическая способность в массе своей детскому и подростковому возрасту? Г. Фейман в своей работе „Эйдетизм и школьный возраст“ указывает в результате проведенного им экспериментального исследования, что эйдетизм является функцией детской конституции, выступающей в разной степени в определенные фазы. Кульминационной точки, по его данным, развитие эйдетизма достигает в середине подростничества, в разгар полового созревания.

Как та, так и другая постановка вопроса требует еще для своей апробации проведения соответствующих глубоких экспериментальных исследований.

Интересную связь между наличием эйдетизма и изобразительной способностью отмечает Иенш в книге „Studien zu Psychologie menschlichen Typen“. В введении к этой книге Иенш указывает, что искусством может заниматься как интегрированный, так и дезинтегрированный тип, но для последнего это есть отступление от своей природы. В другом месте он указывает также, что среди слушателей философских семинаров меньше обнаруживается эйдетиков, чем среди учеников школ художественного образования.

Что эйдетики обычно лучше рисуют благодаря наличию богатой памяти и ряду других особенностей, показывают со всей достоверностью специальные исследования, проведенные по этому вопросу. Можно указать хотя бы на исследования Бергемана, посвященные изучению „Памяти на места“ — локальной памяти у детей школьного возраста. Эйдетики в своих рисунках дают больше деталей, чем дети не эйдетики. Рисунки последних значительно менее „фотографичны“, чем рисунки эйдетиков.

Наличие эйдетизма у детей и подростков народов Севера, весьма возможно, является такой же особенностью возраста, как это имеет место, по данным Г. Феймана, и у детей и подростков города Москвы, и тогда придется искать корни столь высокоразвитой изобразительной способности, характеризующей в массе своей детей и подростков народов Севера, в социально-экономических условиях жизни этих народов в прошлом, что и является, с нашей точки зрения, несомненно, более правильным. К данной постановке вопроса приближается в своих выводах и автор.

О том, что не в наличии эйдетизма следует искать ключ к выявлению причин, создавших столь богато развитые изобразительные способности, можно судить хотя бы по тому факту, что юношество народов Севера, значительно повышая в стенах Института народов Севера ЦИК СССР уровень своего культурного развития, не теряет своих природных данных, а, наоборот, получает все возможности для дальнейшего развития.

В. М. Гур-Гуревич.

Тов. Баранова, занимавшаяся вопросами развития рисунка у женщин-узбечек, констатирует в своей книге¹, что обследованными ею неграмотными узбечками из кишлаков Хаджикент и Хусман (западные отроги Тянь-Шаня) перспективная картина и фотография, по-видимому, по-иному понимаются, а иногда и совсем не понимаются. Одна из обследованных женщин летом 1929 года долго не могла понять фотографию женщины и долго спрашивала: „где же здесь женщина?“ Говоря об узбечках, живущих в Ташкенте и обучающихся в школах ликбеза и на женских курсах, автор пишет: „В условиях школы женщины окружены рисунками, картинками и различными наглядными пособиями; с картиной, с изображением приходится иметь дело в процессе учебы, картинка внедряется в обиход. Однако далеко не совершенно читается и понимается общепринятая картинка. Во время психологического обследования по картинам с сюжетами из природы и быта Узбекистана многие затруднялись в понимании изображений, данных в ракурсе, как, например, быка в три четверти или в фасе и т. д.; спрашивали: „что это такое?“

Нам приходилось встречаться с подобными же фактами во время наших занятий по изобразительному искусству со студентами Института народов Севера в Ленинграде еще в бытность его северным факультетом Ленинградского восточного института в 1928 — 1930 годах.

Многие студенты, до приезда в институт почти не владевшие русским языком, никогда не рисовавшие и мало или совсем не встречавшиеся до того с рисунками, плакатами, картинами и т. п., рассматривали предложенные им образцы (книжные воспроизведения) без всякого интереса, при опросе же выяснилось, что то, что они видят на бумаге — непонятные и бессмысленные для них знаки. При показе нарисованных нашими художниками хорошо знакомых им животных — оленя, волка, моржа — они реагировали крайне вяло и неопределенно, смотря на рисунки как бы по обязанности и сейчас же забывая о них. Зато, когда мы демонстрировали рисунки их товарищей, изображавшие тех же животных, по выполненным иными художественными средствами, поднималось необычайное оживление. Смотрящие воодушевлялись, каждый находил в изображенном звере какой-либо недостаток или достоинство, люди из разных мест начинали спорить, — у нас-де не такой олень, — и преподаватель должен был успокаивать и рассказывать по местам этих идеальных ценителей произведений, сделанных их сородичами.

В дальнейшем студентам были продемонстрированы палеолитические изображения животных и фотографии негритянских скудьютур из книжки Маркова. Преподаватель при этом констатировал, что и то и другое вызвало интерес и оживление аудитории. Книжка переходила из рук в руки, и смотревшие трогали рисунки руками, как бы ощущывая наиболее понравившиеся им места. Большинство при этом испытывало крайнее ожив-

¹ Т. Баранова. „Материалы по развитию рисунка у юношества и взрослых“, вып. II — Рисунок узбечек. Изд. Средне-азиатского государственного университета, Ташкент, 1929.

ление и смеялось; на вопрос о причинах смеха обычно следовал ответ: „интересно“. О том, что изображено на рисунке, вопросов не задавали. При опросе отвечали: зверь, человек. Решив продолжить наш опыт, мы повели студентов в Эрмитаж и Музей этнографии и антропологии Академии Наук. Результаты оказались те же. Группа бесцельно слонялась по залам и картинной галерее и не хотела уйти из Музея этнографии и антропологии, смехом и оживленными репликами на разных языках проявляя друг перед другом свой интерес к выставленным образцам так называемого примитивного искусства. Тем временем старшие их товарищи, рисовавшие в классе в течение длительного периода натюр-морт, имевшие дело с картинками в учебниках, тянулись к перспективе, светотени, срисовывали особо приглянувшиеся им картинки с иллюзионистски-изображенным пространством, людьми и предметами в ракурсе и т. п.

Постепенно все черты, характеризующие их самобытное, национальное художественное мышление, исчезали, уступая место срисовыванию плохоньких картинок и иллюстраций в учебниках. Все труднее становилось заставить их сделать самостоятельный рисунок — следовали ссылки на неумение, незнание и т. п.

Привыкнув срисовывать, они рисовали самостоятельно только после продолжительного уговаривания и давали шаблонные, неинтересные рисунки, в которых прежняя ясность и острота зрения и бесспорная значимость и нужность темы сменялись случайностью, мелочностью сюжета и приблизительностью и убогостью его трактовки. Старый образный мир был разрушен, необычайное богатство форм и представлений было утеряно, приобретения же оказались весьма проблематичными. Тогда и был предпринят опыт, о котором упоминает А. М. Шуберт в заключительной части своей работы. Мы попытались построить учебный процесс, исходя из национальных особенностей восприятия и местных художественных традиций, насколько они нам были известны¹. Первые результаты наших попыток были показаны на выставке в Государственном Русском музее в 1929—1930 году, на выставке в Доме ученых в Москве в 1930 году, на выставке в Лейпциге зимою 1930 года.

В 1934 году мы возобновили свои занятия с наиболее одаренными студентами института, поставив перед собой задачу — дать им возможность, наряду с прохождением общепедagogического курса, получить необходимые профессиональные навыки по живописи и скульптуре на базе сохранения всех им присущих национальных черт и особенностей восприятия².

¹ Подробнее об этом см. статью Л. Месс в журнале „Сибирские огни“, № 3 за 1930 г., и статьи, посвященные художественному творчеству студентов Института народов Севера в сборнике „Искусство народностей Сибири“, изд. Гос. Русского музея, Ленинград, 1930

² Мастерской живописи руководит художник А. А. Успенский. Мастерской скульптуры — скульптор Л. А. Месс. Начало работы мастерских оказалось успешным, и выставка, устроенная весной 1934 года в стенах института, была тепло принята как институтской общественностью, так и гостями, в числе которых был ряд крупных ленинградских художников. Результаты работы мастерских мы предполагаем публиковать путем организации выставок, а также издания репродукций рисунков и скульптуры студентов института в форме альбомов, монографий и т. п.

Мы полагаем, что наличие на Севере людей из коренного населения, получивших в институте, на ряду с комплексом знаний, известное развитие в области изобразительных искусств и понявших всю ценность местной художественной традиции как для нашей художественной культуры в целом, так и для культурного и экономического подъема своих народов, будет способствовать развитию художественного творчества на местах как в формах традиционных, так и новых, вызываемых потребностями растущего социалистического уклада на Севере.

Здесь уместно указать, что отсутствие на Севере культурных кадров из числа местного населения приводит к тому, что ценнейшие художественные промыслы, имеющие первостепенное экспортное значение (например, чукотская резьба по кости), замирают отчасти из-за недостатка интереса, инициативы и понимания заключенных в них возможностей, отчасти из-за ложного направления в их работе, являющегося результатом безграмотной деятельности всяческих „инструкторов“, вводящих стандартные формы, приглашающих и фальсифицирующих местное творчество в угоду своим личным вкусам и тем лишаящих его ранее свойственной ему художественной, а следовательно, и всякой иной ценности.

В своей работе А. М. Шуберт убедительно доказывает, как высока художественная одаренность эвенкийских (тунгусских) детей. Мы не сомневаемся, что обследование детей других национальностей нашего Севера лишь умножило бы факты, приводимые в работе А. М. Шуберт.

И это обстоятельство необычайно усиливает ответственность тех людей, которых советская власть посылает на далекий Север в качестве „полпредов“ социалистической культуры, школьных работников в первую очередь. Не секрет, что наш рядовой педагог начальной школы, добросовестно работая над повышением своей квалификации, расширением и умножением своих знаний, не добрался еще до вопросов искусства. Если в области литературы он бывает осведомлен, то в области изобразительных искусств он зачастую является носителем самых отсталых вкусов и представлений и не только не может содействовать развитию художественных дарований своих питомцев, но неумелым вмешательством в образный мир ребенка, навязыванием ему „своих вкусов“ и преждевременной демонстрацией не всегда достаточно качественных репродукций заглушает его творческую фантазию и подменяет живое, реалистическое детское творчество со всем его своеобразием чувства формы, цвета и материала, с бездной наблюдательности — никому ненужным копированием мертвых школьных образцов.

Книга А. М. Шуберт предостерегает от такого некультурного и безответственного отношения к детскому творчеству, воспроизводимые же в ней рисунки наглядно показывают, как прекрасно рисуют дети, когда им предоставлена возможность развиваться без ненужных стеснений.

Эта сторона работы А. М. Шуберт, равно как и общая ее концепция, позволяет нам надеяться, что появление этой книги будет встречено с достаточной теплотой людьми, которым близки и дороги вопросы развития искусства народов Севера.

Л. А. Месс.

Введение

В условиях нашей социалистической современности изучение изобразительных способностей народностей отставших культур приобретает совершенно особое значение.

В самом деле, если уяснить себе, что такое изобразительная деятельность, каково ее значение, то придется признать за ней громадную социальную ценность. Как известно, изображает только человек, животные не изображают. Самое большое — они слепо подражают природе всей своей внешностью в целях той или иной мимикрии. Изобразительной же деятельностью человека, в ее истоках, при которой имеет место не простая имитация природы в целях самосохранения, а созидание наглядных изобразительных образов, преследуются цели чисто социального порядка, а именно:

а) в одних случаях образы используются как средства простой информации. Так, например, манси-охотник (вогул) чертит на коре дерева росомаху и рядом три палочки, чтобы сообщить другим охотникам о том, что таковая была им на данном месте убита (пиктографический рисунок);

б) в других случаях они используются в целях магического воздействия. Так, рисунок зверя и копья должен содействовать успеху охоты. В первобытном обществе, как указывает П. П. Ефименко¹, изображения животных отображали определенный строй первобытного мировоззрения. В них нельзя не видеть (пишет автор) предметов, имевших отношение к производственной магии, поскольку, внимание первобытного охотника должно было сосредотачиваться на ближайших объектах охоты, являвшейся источником его существования — мамонтах, бизонах, оленях и т. д.;

в) наконец, образы используются для того, чтобы при их помощи произвести на людей впечатление более сильное, чем то, какое производит оригинал этих образов в природе (например, изобразительный рисунок). Как часто какие-нибудь солнечные блики в лесу оставляют нас равнодушными и в

¹ „Дородовое общество“, см. указатель литературы, стр. 333.

то же время пленяют нас, будучи переданными на полотно. Как сильно потрясает нас подчас смерть в художественном произведении и как часто, столкнувшись с нею в жизни, мы поражаемся ее простотой, будничностью и нашим внутренним бесчувственным отношением к ней.

Чем определяется эта эффективность образов — спорный и сложный психологический вопрос; возможно, что она достигается тем, что с формальной стороны образы особенно полно отвечают требованиям так называемой „гигиены восприятия“. Не останавливаясь на вскрытии этих причин, мы здесь только констатируем факт эффективности образов, почему и гражданские и духовные власти в буржуазных странах издавна пользовались и сейчас широко пользуются ими (образами живописными, скульптурными, словесными, пластико-ритмическими) для целей политического и классового воспитания масс. Пользуется ими и власть пролетариата. Разница только в том, что одни используют „образы“ для порабощения, а другие — для духовного раскрепощения этих масс.

Поскольку „образы“ воздействуют непосредственно на наш внешний воспринимающий аппарат, поскольку они способствуют активизации наших эмоций, они являются разновидностью языка, речи, но речи более наглядной, более чувственной и потому более широко доступной массам. Вот почему всякого рода изобразительные искусства производят также и на представителей более примитивных культур такое могущественное впечатление. Известно всем, в какой экстаз приводятся темные, несознательные массы религиозными церемониями, широко использующими всякое изобразительное искусство.

Яркой иллюстрацией к данному положению может послужить заслуживающая большого внимания переписка между местными чиновниками Восточной Сибири и министерством внутренних дел за 1875 год, посвященная ежегодно проводимому в свое время бурятскими ламами со всей торжественностью и пышностью религиозному празднику (цам).

Пышно обставленные внутри храмы, яркие представления сценического характера (танцевали молодые ламы в масках, изображавших оленей, добрых и злых духов, различных драконов), развешанные повсюду картины религиозного содержания с изображениями Будды — все это имело громадное значение в деле укрепления влияния религии на серые, некультурные массы, ничего этого не видящие в обычные будние дни.

Громадное значение этих празднеств прекрасно учитывали царские чиновники.

В ответ на запрос генерал-губернатора Восточной Сибири российское консульство в Урге в своем отношении за

№ 289 от 6 сентября 1875 года, описывая „цам“ и подчеркнутая усиленно всю торжественность этого религиозного представления, пишет в заключении, что в виду религиозного основания этого обряда нельзя, разумеется, видеть сознательного стремления лам собирать по поводу его приношения в пользу кумирен, но зато с другой стороны нельзя не признать того, что этот столь эффективный обряд укрепляет и то уже сильное влияние ламства на последователей ламаитского учения“ (подчеркнуто нами — А. Ш.).

Генерал-губернатор Восточной Сибири в своем отношении министру внутренних дел от 30 октября 1875 года за № 1166, излагая содержание вышеуказанного документа, пишет, что „таким образом совершаемый при гусино-озерском дацане обряд „самныген хурул“ имеет религиозное основание, но, принимая во внимание, что этот столь эффективный обряд укрепляет и то уже сильное влияние ламства на наших инородцев, последователей ламаитского учения, и что при совершении сего обряда инородцы разоряются на пожертвования, обогащая этим только лам (подчеркнуто нами — А. Ш.), я затрудняюсь дозволить совершать оказанный прием на будущее время, а потому, представляя о вышеизложенном на усмотрение вашего высокопревосходительства, имею честь покорнейше просить не оставить уведомлением, как поступить мне в настоящем случае“.

Но широкая доступность „образов“ широким массам сказывается не только в податливости последних воздействию образов, но и в их собственной творческой изобразительной активности.

Среди народов и отдельных социальных групп, живущих в условиях более примитивного хозяйства, в условиях, где культура отвлеченной речи и письменность сравнительно не развиты, распространение искусств в виде изобразительной деятельности бывает обычно громадно. Так, среди широких масс коренного населения Азии, Центральной Африки, Австралии и т. д. и т. д. она распространена больше, чем среди широких масс народов европейской культуры. С другой стороны, в нашей культурной среде, среди наших крестьян, например, изобразительное искусство, как деятельность, распространено было относительно шире, чем среди нашего городского пролетариата. Если среди жителей больших городов создание образцов есть удел немногих профессионалов-художников, то в деревне мы встречаемся кое-где воистину с образным творчеством масс. Если существует мнение, что народная художественно-активная масса лишь копирует, повторяет свои „классические“ образцы, то

это неправильно (об этом у нас еще будет речь ниже). Но так или иначе факт налицо: широкие народные массы некоторых национальных и социальных слоев человечества почти поголовно проявляют себя в изобразительной деятельности. Правда, искусство их большей частью прикладное. Так, во многих наших сельскохозяйственных районах мы встречаем обильную изобразительную орнаментику: в вышивках, резьбе по дереву и гончарных поделках предметов домашнего обихода. С другой стороны, едва ли не каждый предмет домашнего обихода и охоты у жителей Австралии, Центральной Африки, и др. почти сплошь покрывается орнаментикой, изобилующей изображениями всякого рода животных, людей и растений. В последних случаях наличие властной потребности в проявлении изобразительной активности особенно показательно, поскольку орудия для изобразительной работы у указанных народов обычно крайне несовершенны, с чем связана крайняя длительность и утомительность самой пустячной, с нашей точки зрения, технической работы. Не раз отмечалось, что так называемый „дикарь“ живет в примитивно сложенной хижине, ест кое-как приготовленную пищу, обрабатывает землю и бьет зверя самыми примитивными способами и в то же время создает примитивными же средствами воистину чудеса искусства. Как же велика, значит, в человечестве потребность в изобразительной деятельности и как велика, значит, социальная значимость последней.

Отсюда для нас, работающих по линии просвещения народов СССР, выявляется необходимость в разрешении следующих задач:

1) изучение своеобразия изобразительных форм национального искусства народов СССР, чтобы в дальнейшем использовать их как пути общественно-политического воздействия, как средства особенно эффективного в некоторых хозяйственных и культурно-бытовых условиях;

2) изучение специфических особенностей изобразительных способностей и степень распространенности этих изобразительных способностей среди отдельных народов СССР, для того, чтобы, если таковые имеются, поддерживать их и содействовать их дальнейшему культурному развитию.

Задачи эти представляются нам достаточно актуальными, так как от разрешения их частично зависит плодотворность нашей культурно-просветительной работы на местах, поскольку нами используются методы массового педагогического воздействия.

В настоящей работе мы поставили перед собой относительно узкую задачу оценки изобразительной способности эвенков (тунгусов), поскольку она выявляется в рисунке.

Считаем эту задачу не только достаточно важной, но в то же время и срочной, поскольку мы исходим из следующих двух предпосылок:

- 1) целому ряду народов, живущих в условиях сравнительно примитивного хозяйства, присущи исключительно высокие изобразительные графические и живописные способности;
- 2) способности эти при переходе этих народов к более высоким формам хозяйства обычно утрачиваются (в условиях проникновения в страну капиталистической системы).

Социалистическая практика показала, что в Советском Союзе создаются такие благоприятные внешние условия, при которых, несмотря на все изменения хозяйственных и бытовых форм, способности эти не только не заглушаются, но получают все возможности для своего развития. В результате это дает возможность использовать местные творческие силы в интересах культурно-просветительной работы методами массового воздействия, используя их не только для работы в их национальном районе, но и в других районах далеко за его пределами.

Итак, наша задача заключается в том, чтобы указать на наличие высоких изобразительных способностей у некоторых народностей отставших культур в СССР.

Факты аналогичного порядка среди искусствоведов широко известны. В частности широко известны и некоторые исторические параллели, куда относятся, например, поразительные пещерные рисунки палеолитической эпохи, т.е. эпохи древне-каменного века, сохранившиеся до нашего времени: формы животных переданы в этих рисунках с исключительной правильностью; передача поз и движений изумительны.

Такие же натуралистические рисунки мы встречаем и у некоторых современных народов относительно примитивных культур: эскимосов, чукчей, некоторых индейских племен и др. На ряду с подобными превосходными натуралистическими рисунками мы встречаем у некоторых других народностей примитивных культур условные рисунки и скульптуру, также поражающие своим мастерством: то исключительной выразительностью, то изысканностью и изяществом форм. Сюда относятся, например, изобразительные произведения негров Африки.

Имеется небольшое количество работ, посвященных специально рисункам детей эскимосов (Майтлэнд), арабов-кабиллов (Пробет), индейцев (Дермотт), бурят (Хороших), орочен-оленных эвенков (Шуберт). Все авторы сходятся на утверждении наличия у этих детей высокого качества рисунка, особенно при передаче животных, как в стоячем положении, так и в движении.

Объяснения факту высокоразвитой изобразительной способности при отставшей культуре различными авторами давались различные.

Мы приводим здесь эти различные попытки объяснений потому, что они, как нам кажется, проливают свет на интересующую нас практическую проблему: возможно ли при изменении хозяйства, быта и мышления этих народов сохранить и культивировать их изумительные графические способности.

Объяснения даются следующие:

1) существуют народы, хотя и стоящие на сравнительно низких ступенях культурного и хозяйственного развития, но обладающие в массе своей и в силу тех или иных социально-экономических, культурных, исторических и биологических причин исключительными изобразительными способностями;

2) таких народов не существует. Превосходные образцы палеолитического искусства и искусства некоторых современных культурно-отсталых народов являются заученными шаблонами с каких-то традиционных образцов. Они заменяют собой готовые художественные фабрикаты.

Первоначальные образцы рисунков были созданы и создаются отдельными, долго тренировавшимися, высокоодаренными специалистами. Такие же единичные таланты встречаются и среди любой высококультурной народности, в чем ничего загадочного нет (теория Леруа).

Происхождение разных стилей примитивного искусства, натуралистического и условного, объясняется различно.

1) Первичное изобразительное искусство не может быть иным, как натуралистическим; первичная передача не может не быть превосходной по правильности форм благодаря пластичности воспринимающих органов и непосредственности отношения „примитива“ к воздействиям окружающей среды.

Промысел — охота — еще больше культивирует остроту зрения и четкость движения рук, столь необходимое и при рисовании. Дальнейшее развитие общества, связанное с неизбежным развитием абстрактной речи и анимизма, нарушало эту непосредственную восприимчивость, чем и объясняется появление условного искусства, которое является в сущности деградацией искусства натуралистического. Те же причины действуют и в наше время. Поразительных натуралистических рисовальщиков мы видим преимущественно у народов-охотников с примитивным религиозным анимистическим культом и с примитивным языком (теория Ферворна и Бюлера).

2) Первичное изобразительное искусство всегда условно, схематично и несовершенно. Натуралистическое искусство есть дальнейшая, более высокая стадия. Палеолитическое искусство не первично: до нас только не дошли образцы изобразительной деятельности предшествовавших эпох.

3) Натуралистическое и условно-схематическое искусство одинаково изначальны; это два стиля, которые сменяют (мы бы сказали, диалектически) друг друга в течение всей истории человечества под влиянием разных форм производства, разных форм социальных отношений и той общественной роли, которую начинает играть изобразительное искусство.

Эта последняя точка зрения представляется нам наиболее правильной с точки зрения марксистского искусствознания.

Где ключ к разрешению проблемы? Мы усматриваем его отчасти в следующем:

1) в изучении эволюции рисунка, в изучении того, как рисуют дети этих народов;

2) в установлении факта, насколько выдающиеся изобразительные способности являются среди детей широко распространенными.

К сожалению, мы не имеем по этой части почти никаких научно-установленных фактов. Даже новейшие зарубежные авторы продолжают все еще ссылаться на единственную, очень старую работу американки Майтлэнд, опубликовавшей ряд рисунков эскимосских детей с очень скудными комментариями. У нас имеются работы Требуховского и Хороших, посвященные рисункам бурятских детей, и сборник „Искусство народностей Сибири“, посвященный творчеству молодежи самых различных народностей.

Приводимые всеми авторами образцы с первого взгляда как будто говорят за то, что уже в детском возрасте эскимосы, буряты и другие народы создают превосходные, одни — натуралистические, другие — условные, рисунки. Но, к сожалению, авторы не ставили и не пытались разрешить вопрос о том, не являлись ли эти рисунки продукцией отдельных, особо одаренных личностей, не были ли и эти дети в рисовании особо тренированы.

Г л а в а I

Для того, чтобы осветить в той или иной степени эти вопросы, мы использовали следующий материал:

1) коллекцию свободных рисунков ребят оленных эвенков (орочен);

2) коллекцию специально, планомерно собранных рисунков ребят-эвенков (тунгусов) Забайкалья, ойрот (алтайцев), бурят, русских-сибиряков, живущих с ними по соседству, и ребят-москвичей.

Поскольку нашего читателя интересуют главным образом дети северных народностей, мы положили в основу наших работ материал оленных и оседлых эвенков, а остальной материал будем привлекать лишь как сравнительный.

Начнем с анализа рисунков детей оленных эвенков (орочен).

Использованные нами рисунки принадлежат детям, подросткам и юношам 10—21 года. По линии Комитета Севера летом 1927 года, с 10 июня по 25 сентября, в Рухловском округе Дальне-Восточного края функционировала впервые организованная туземная школа-интернат. Период этот целиком охватывал период стоянки оленных эвенков между кочевьями. Педагогом этой первой, эпизодической школы и были собраны названные рисунки.

Оленные эвенки (орочены)—народ родственный манчжурам¹. Они ведут кочевой образ жизни, занимаясь охотой и оленеводством. Кочуют они по течению реки Алдана и его притокам у Яблонова и Станового хребтов (севернее они известны под именем тунгусов).

Климат района — холодный: продолжительная зима, холодная весна и дождливое, бесцветное лето. Окружающая местность однообразна: много болот, захваченных полосой вечной мерзлоты. На горных хребтах—леса, с преобладанием сосны и лиственницы. Леса богаты зверем: имеются белки, сохатые, реже—красная лисица. Домашний олень—главный источник существования оленного эвенка, он дает ему пищу, одежду и жилище. В погоне за зверем, в поисках пастбища для оленей оленные эвенки кочуют отдельными родами. Районы кочевий далеко разбросаны друг от друга. Общение между родами имеет место только на собраниях родовых советов, у кооператива и при сдаче пушнины. На стойбищах оленные эвенки живут в юртах, покрытых зимой выделанной оленьей шкурой, летом—ситцем и бязью. В юртах убранства почти никакого: на полу хвойные ветки или обрывки шкур и блестящие, черные от грязи, маленькие подушки. Утварь бедна и исчерпывается следующим: чайники, котелки, чашки, ножи, ложки, скребки для шкур. Из мебели — маленькие дощечки на низеньких подставках, которые ставят и зажимают между колен для того, чтобы резать на них мясо, хлеб и скоблить кожи. Еще имеется „каптурка“ — берестяная коробка, обшитая вокруг полосками цветного ситца, в которой хранят швейные принадлежности. Далее имеется „потка“ — перекидная берестяная сумка, обтянутая оленьей кожей и тоже украшенная полосками ткани. В потках перевозят утварь, одежду и продукты при кочевьях.

В старом быте оленных эвенков большое место занимало шаманство. Но молились, они редко, только отправляясь осенью на промысел. Часто на весь род имелся всего-на-всего один шаман; среди последних попадались женщины. Атри-

¹ Интересующимся данным вопросом рекомендуем следующую литературу: Я. П. А л ь к о р (Кошкин), „Эвенки“ (Б. С. Э.) и С. П а т к а н о в, „Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири“. СПб. 1906.

буты власти его были: колокол и длинная накидка до полу яркожелтого или красного цвета с нашивками, изображающими солнце, месяц и звезды. Помимо этого, шаман пользовался бубном, губной гармоникой и особым местным инструментом из стальной полоски¹.

В настоящее время шаманство, естественно, доживает последние дни.

Грамотность—уменье подписать фамилию—выражалась в период собирания рисунков в 2-3% на 400 человек оленных эвенков, рассеянных на сотни километров.

За последние годы мы имеем в этих районах значительный рост школьной сети. Охват детей достигает в некоторых округах 50%. Значительно повысилась грамотность населения (по отдельным районам достигает 25%).

Свой язык оленные эвенки пополняют для многих предметов домашнего обихода и одежды русскими словами. Народного эпоса и поэзии я не нашла. Вместо пения оленные эвенки перечисляют нараспев все то, что непосредственно находится перед их глазами. Отсутствует какое бы то ни было изобразительное и декоративное народное искусство, если не считать цветных полосок из ткани, нашиваемых на одежду, обувь и домашние вещи.

Под школу был отведен деревянный домик, оборудованный крайне бедно. Отсутствовали какие бы то ни было наглядные пособия. Учебные пособия исчерпывались писчебумажными принадлежностями и несколькими начальными учебниками „Наш Север“ с очень мелкими, плохо репродуцированными иллюстрациями. Школу посещало 17 человек ребят обоего пола, из которых грамотных было только двое. Оба—рабфаковцы, прибывшие один из Ленинграда, а другой—из Хабаровска. Прожив там по одному учебному году, они вернулись домой, стосковавшись по тайге.

Таким образом, подавляющее число ребят получило в школе в первый раз в жизни бумагу и карандаш и, вероятно, впервые увидело в учебнике „Наш Север“ изображения на плоскости (если не считать разве плакатов, вывешенных в кооперативе, и картинок на конфетных обложках и папиросных коробках), потому что оленные эвенки никаких картинок или иллюстраций для украшения жилого помещения не употребляют.

Рисование культивировалось в школе только как свободное рисование, причем никаких указаний педагог в этой области не давал и рисунков ребят не исправлял, совершенно не умея сам рисовать.

По окончании занятий, т. е. через три месяца, педагог К. И. Усова вернулась в Москву, захватив с собой для

¹ Данные, характеризующие жизнь эвенков, приводимые автором, относятся к 1925-26 году, к периоду собирания рисунков.

отчета в Комитете Севера часть ученических работ, а именно: тетради и рисунки семи ребят. Через Комитет Севера они были получены нами. Тетради эти были выборочными, но во всяком случае они были отобраны не потому, что они содержали лучшие рисунки. По совершенству исполнения они, согласно утверждению педагога, среди рисунков других не выделялись. В тот период, когда эти рисунки выполнялись, педагог был еще совершенно незнаком с проблемой примитивного рисунка и потому не усматривал в них ничего заслуживающего особого внимания до тех пор, пока на них не обратили внимания специалисты.

Рисунки эти принадлежат: одному мальчику 10 лет, одной девочке 10 лет, одному мальчику 13 лет, двум мальчикам 15 лет, одному 16 лет и одному юноше 21 года. Оба старшие ученика—полуграмотные и поэтому снова посещают начальную школу. Все остальные посещали школу впервые.

По утверждению самих ребят, пробовали ранее рисовать оба бывшие слушатели рабфака и один мальчик 13 лет. Остальные говорили, что не пробовали рисовать никогда.

Педагог замечал, что все дети рисовали охотно и, углубившись в работу, совершенно не обращали внимания на то, как рисуют их соседи. Дети рисовали большей частью из головы и редко копировали из книги. С натуры никогда не рисовали и во время рисования из головы с натурой никогда не сверяли.

Наблюдая рисование детей из головы, педагог каждый раз удивлялся их манере рисовать: они, как правило, ставили на бумагу карандаш и затем начинали уверенно вести непрерывную линию, делая контур в один прием; рисуя, например, оленя, они начинали обычно со лба животного или с рогов.

Г л а в а II

Анализ рисунков, сделанный нами, показал: 1) преобладающим сюжетом рисунков являются наиболее ценные в хозяйстве оленного эвенка животные—олень и лось (сохатый); далее в убывающем числе идут рисунки: других диких и домашних животных, людей, растений, предметов культуры; 2) преобладают рисунки свободные; остальные рисунки, более редкие, являются копиями с рисунков разных животных из книги „Наш Север“; 3) со стороны правильности передачи форм превосходны изображения оленя и сохатых; далее в убывающем порядке совершенства идут: изображения других животных, человека, растений, предметов обихода; в общем все рисунки животных намного лучше всех остальных изображений; рисунки животных даже самых

слабых рисовальщиков, обоих детей 10 лет, не являются чистыми схемами; 4) сравнение между собою рисунков одного и того же ребенка за весь школьный период не обнаруживает никакой заметной эволюции; 5) контурный и плоскостный характер большинства рисунков; 6) удачная передача движений как у животных, так и у человека; 7) межконтурное пространство у изображенных вещей или оставляется белым или густо штрихуется, так что получается силуэт, или же покрывается орнаментом — стилизованной шерстью, если дело касается пятнистых оленей; 8) окружающее пространство не изображается и лишь изредка изображается в виде прямой линии; расположение предметов в пространстве делается чаще в виде фриза, реже предметы разбрасываются по бумаге; большие плоскости, например, речки и пруды, изображаются в виде картографического плана.

Из всего этого видно, что рисунки детей оленных эвенков являются типичными образцами натуралистических графических продуктов, какие мы встречаем у бушменов, австралийцев, эскимосов, отдельных индейских племен и некоторых других „примитивных“ народов, живо напоминающих в свою очередь рисунки палеолитического человека; то же превосходное изображение животных, та же удачная передача движений, та же манера изображений при помощи единой контурной линии и орнаментация тел животных или силуэтный прием (заполнение внутриконтурного пространства). Они являются „натуралистическими“, поскольку здесь имеет место передача очертаний, форм предметов такими, какими мы их видим в определенный момент и с определенной точки зрения. В этом отношении они резко отличаются от символических, схематически условных детских рисунков, в которых ребенок не передает предмет таким, каким он его видит, а помечает все то, что он о нем знает; отсюда в детском рисунке вырисовка обоих глаз при профильном изображении.

Мы пришли в результате этого анализа к заключению, что предлагаемые рисунки детей оленных эвенков даже при их малочисленности заслуживают серьезного внимания, и опубликовали их в американском психологическом журнале. В данной статье нами были сделаны при этом следующие предварительные выводы:

1) Лучшие рисунки ребят оленных эвенков, а именно рисунки оленей и сохатых, создавались ими сразу, без предшествовавшего прохождения схематической стадии рисунка. Если рисунки оленей и являются у двух детей технически несовершенными, то все же они не являются „схемами“. Данные наши здесь идут как будто бы вразрез с биогенетической точкой зрения на эволюцию рисунка.

2) Поскольку выдающиеся рисунки семи ребят оленных эвенков составляют почти половину общего числа 17 школьников, имеется некоторое основание для предположения, что хорошими рисовальщиками - натуралистами являются дети оленных эвенков вообще, а не только эти семь человек детей. Этим пунктом как будто бы опровергается взгляд биогенетистов на натуралистические примитивные рисунки как на продукцию отдельных, особо одаренных человеческих личностей.

3) Превосходные натуралистические рисунки оленных эвенков принадлежат детям народа, имевшего очень примитивный религиозный культ, игравший лишь очень незначительную роль в их жизни. Это обстоятельство может быть использовано в пользу той точки зрения, что там, где отсутствует религиозный культ, сохраняется изначальное натуралистическое творчество.

4) Рисунки принадлежат детям народа, пользующегося сравнительно примитивной речью, т. е. отсутствует и второй фактор (развитая речь), который мог бы исказить примитивный натурализм оленных эвенков.

5) Рисунки ребят оленных эвенков являются подлинным созиданием, подлинным творчеством, а не подражательной деятельностью и не повторением каких-то готовых трафаретов, образцов, так как таковые оленным эвенкам неизвестны. Этим как будто бы опровергается взгляд некоторых биогенетистов, склонных рассматривать натуралистические примитивные рисунки как повторение хорошо заученных шаблонов.

6) Рассматриваемые рисунки принадлежат детям охотничьего племени, особенности которого, в виде обостренного зрительного восприятия, ручной ловкости и наблюдательности, вероятно, отразились на совершенстве форм изображаемых предметов, особенно же на совершенстве форм у объектов охоты: оленя, зубра, сохатого и (понижаясь в сторону значительно меньшей заинтересованности охотника) других животных. Этим лишний раз подтверждается тот факт, что производственный интерес определенным образом отражается на графическом умении.

7) Контурный характер рисунков в виде единой линии, манера рисовать сразу, в один прием очень напоминают манеру обведения шаблонов и в данном случае являются, может быть, не чем иным, как простым обведением созерцаемого и проецируемого на бумагу эйдетического образа. Преобладающий малый масштаб рисунков также говорит как будто бы за закономерность эйдетического объяснения процесса рисования у народов, стоящих на более низкой ступени культурного развития.

В общем материал детей оленных эвенков настолько нас заинтересовал, что после этого мы приступили уже к систематическому собиранию рисунков детей народов примитивных

культур во время педологических экспедиций, организованных Институтом марксистско-ленинской педагогики (теперь прекратившим свою деятельность).

Объектами исследования брались испытуемые всех школьных возрастов (рисунков дошкольного возраста и взрослых ликбезовцев у нас, к сожалению, было собрано мало).

Метод нашей работы был следующий:

Каждому испытуемому давался один и тот же материал: четвертушки белой бумаги, карандаш черного графита и 6 (одинаковых для всех) цветных карандашей.

Детям были даны следующие задания: сделать 1) свободный рисунок, 2) рисунок по памяти: человека, дома (юрты), лошади (оленя) и дерева, плана местности, орудий промысла, следов животных, орнамента.

Относительно каждого рисовальщика были собраны сведения, касающиеся: пола, возраста, занятий родителей, образа жизни (оседлый, кочующий), местожительства, отношения к школе, упражнения в рисовании раньше.

Были собраны рисунки 268 детей, из них оседлых эвенков — 49.

Среди 49 эвенков 11 человек принадлежали к семьям кочующих по Верхней Ангаре Забайкалья, так называемых „горных“ эвенков. Остальные 38 принадлежали к полукочевым „береговым“. „Горные“ эвенки, так же как и оленные эвенки — оленеводы и охотники и по своему социальному и культурному быту мало отличаются друг от друга. „Береговые“ живут по берегам рек, занимаются рыболовством и частично оленеводством и огородничеством. Живут то в примитивно устроенных избах, то уходят и живут в юртах. Кроме оленей, другого домашнего скота не имеют.

Дети были следующих возрастов: 6 лет — 1 чел., 7 лет — 3, 8 лет — 7, 9 лет — 3, 10 лет — 7, 11 и 12 — по 6, 13 и 15 — по 5, 16 лет — 4, по 17 лет — 2 человека. Всего 49 человек.

Надо, конечно, иметь в виду, что эти возрастные показатели лишь очень приблизительны. Родители очень затрудняются в счете и часто определяют возраст своих детей более чем приблизительно („5 лет, а то будет 7“).

Учившихся в школе было лишь 11, среди них только 3 „горных эвенка“. Остальные — неграмотные, никогда не рисовавшие и не бравшие в руки карандаша.

Кроме этого, были, как уже упоминалось, собраны рисунки детей-ойрот — 85, детей-бурят — 114 человек¹.

¹ Материал из ойротских рисунков был собран в Улагенском и Онгудайском аймаках, высокогорных и очень живописных. Население занимается в них главным образом скотоводством, а частично земледелием. Бурятский материал был собран главным образом в Южном Тункинском аймаке, граничащем с Монголией, и в более северном Эхирит-Булаганском аймаке, в котором буряты живут попеременно с русскими. В первом аймаке население — скотоводы, во втором — главным образом хлебопашцы.

Дополнительный материал: рисунки 91 человека детей русских сибиряков-хлеборобов; живущих по соседству с эвенками—41 чел.; живущих по соседству с бурятами—40 чел. и, наконец, москвичей—89 человек.

Возраст детей колебался главным образом между 8—17 годами.

Буряты, 4 ойрота и русские были все школьники, в рисовании в школе упражнялись, но специальными уроками рисования в ней не пользовались, так как сами учителя рисовать не умели и потому рисованием в школе не руководили.

Но, может быть, здесь имели место еще другие какие-нибудь виды влияния?

Известное влияние на рисование детей оседлых эвенков могло оказать только весьма искусное вырезывание детьми ножом по бересте оленей—занятие, широко распространенное среди эвенкийских ребятишек.

Аналогично могло, быть может, влиять у ойрот констатированное нами превосходное вырезывание детьми ножом коней из кусков дерева, но едва ли этот навык имел основное определяющее значение для искусства рисования. Насколько нам известно, например, большинство известных европейских вырезальщиков ножницами черных бумажных силуэтов были плохими рисовальщиками (и наоборот).

О подражании готовым графическим образцам речь могла идти главным образом в отношении школьников, видящих в школе плакаты и иллюстрации. Что касается детей оседлых эвенков, не посещающих школы, то они с изображениями на плоскости встречались, так же как и оседлые эвенки, разве только в кооперативе, что, конечно, случается редко. В домашнем обиходе оседлых эвенков и ойрот нами не было обнаружено никаких украшений в виде рисунков, картин, кроме портретов наших вождей. О подражании ребят оседлых эвенков традиционным художественным образцам тоже не могло быть речи, так как изобразительное искусство у обследованных нами племен оказалось совершенно исчезнувшим. О подражании им речь могла быть только в отношении бурят, многие из которых хранят еще дома „священные“ изображения на ткани (иконы) и видели их в изобилии в уцелевших дацанах (монастырях).

Обработка нашего графического материала шла по линии выяснения: 1) содержания свободного рисунка; 2) особенностей передачи форм предметов, движения, цвета, окружающего пространства.

Обработка эта имела в виду выяснить своеобразные черты рисунков детей указанных национальных групп по сравнению с рисунками других отставших в культурном отношении народов и народов, живущих в условиях более

развитого хозяйства (за малочисленностью материала проследить эволюцию рисунка с возрастом и с прохождением школьных групп нам не удалось).

Само собой разумеется, что предварительно все рисунки были подвергнуты тщательному пересмотру с той точки зрения, нет ли среди них повторяющихся, заученных образов, копий и т. п. Все подозрительное было отброшено.

49 человек детей оседлых эвенков дали в общем 68 листов со свободными рисунками. Среди них в 40 листках, т. е. в 58%, имеются рисунки с основным сюжетом или с деталью в виде оленя. Когда ребятам давались специальные задания нарисовать человека, юрту или дерево, то в большинстве случаев тут же пририсовывался ими и олень. Некоторые дети вообще отказались рисовать что-либо, кроме оленя.

В связи с этим невольно должен встать вопрос: является ли это преобладание животного сюжета общим для всех детей-рисовальщиков или же оно специфично для одних детей Севера, собственно эвенков (тунгусов и орочен)?

Посмотрим, что дал нам из этой линии остальной наш графический материал, собранный по тому же методу.

Среди детей-ойрот 85 человек дали 145 листов свободных рисунков; из них 59 штук, т. е. 45%, имели сюжетом животных, главным образом лошадей. Как видно, и здесь процент животных получился большой.

Среди рисунков 114 бурят мы имели главным образом рисунки на заданные темы и иллюстрации. Учесть сюжет свободного рисунка мы смогли только в одной небольшой партии в 25 штук рисунков южных бурят. И здесь в 18 случаях, т. е. в целых 72% случаев, мы встретили как сюжет лошадь и других домашних животных.

Как уже указывалось выше, дети и других народов, стоящих на более низкой ступени культурного развития (эскимосы, индейцы), также дают в своих рисунках по преимуществу животный сюжет.

Если таким образом оказалось, что на содержание рисунков детей указанных народов производственное окружение — производство охотничье и скотоводческое — отражается самым определенным образом, то в этом, конечно, еще нет ничего заслуживающего особенного внимания. Большое значение имеет то, что своим господствующим животным сюжетом указанные рисунки оказались резко отличающимися от рисунков детей народов европейской культуры. Даже 70 человек детей русских крестьян-сибиряков, живущих по соседству с эвенками, а в Байкальском районе по соседству с бурятами в южных районах БМАССР и давших 76 свободных рисунков, в отношении сюжета резко от них отличаются: только у 21 из них мы встретили изо-

бражение животных, т. е. лошади, что составляет 20% случаев. Сходен процент, выведенный Н. А. Рыбниковым по материалам, полученным им до революции главным образом в сельских школах центральной России: 19 — 23%. А между тем скот занимает в хозяйстве русского крестьянина большое место. Еще ниже проценты изображения животных, приведенные разными авторами в Северной Америке (10 — 23%), Швейцарии (11 — 16%) и Англии (3 — 4%). К сожалению, иностранные авторы не всегда дают производственную характеристику среды своих испытуемых, и потому данные эти нам сравнительно мало что говорят.

В чем дело? Откуда у русских крестьянских ребят такой низкий процент животного сюжета? Неужели так слаб в отношении к ним интерес детей? Вернее, причина — в чрезвычайной трудности изображать формы животных разных пород, столь тонко различающихся друг от друга, при этом находящихся большей частью перед глазами ребят в движении (подвижная натура). О причинах, вскрывающих, каким образом дети обследованных нами народностей преодолевают эти трудности, речь пойдет ниже.

Что касается композиции, содержания вообще, то надо сказать, что рисунки детей-эвенков оказались и тут резко отличными от рисунков детей-европейцев. Авторы, изучавшие рисунки этих последних, обычно отмечают, что процент воспроизведения детьми дошкольного возраста сложных сцен и пейзажей не превышает 30 — 35.

При постановке этой проблемы мы, должны сознаться, испытывали большие колебания: что считать изображением отдельных предметов и что композицией? По замыслу маленького художника отдельные, рассыпанные им по бумаге изображения предметов могут все вместе входить как часть в одну общую композицию, что далеко не всегда для нас ясно, поскольку они пространственно не увязаны. Получить соответствующие разъяснения от самих ребят собиратели рисунков не всегда могли, так как недостаточно владели эвенкийским языком.

Мы вышли из затруднения, отобрав для решения вопроса лишь 95 рисунков (не листиков), в которых было более или менее ясно, на что целился художник: на отдельные предметы или на сложную композицию. Правда, идя этим путем, мы считали очень вероятным, что нами будет откинуто под видом изолированных изображений много сложных композиций, но тем большее значение приобретает полученный нами большой их процент. Из 95 рисунков 49 являлись определенными композициями, что составляло 53%. При этом чаще всего вплетался в композицию мотив оленя, а целые композиции в подавляющем большинстве случаев представляли собою стада оленей. Пейзажей и других сцен

мы получили только 9 у девяти ребят. Кстати, возьмем себе на отметку, что все 8 юношей и девушек оседлых эвенков, 17—20 лет ликпунктовцев, от которых мы получили 31 лист с рисунками, дали почти исключительно сложные композиции — сцены и пейзажи.

В отношении композиции содержания рисунки оседлых эвенков оказались резко отличными не только от рисунков детей-европейцев, но и от рисунков других ребят-сибиряков: оленных эвенков (орочен), ойрот, бурят и русских, у которых изображение отдельных предметов значительно преобладало. В одном отношении некоторое исключение представляли собою только рисунки детей-ойрот: 21 человек 9—15 лет дали 29 рисунков со сложными композициями, главным образом с пейзажами. Сделав подсчет количества специально рисунков с пейзажами (аналогично тому, как мы подсчитывали композиции у эвенков), мы получили 28% пейзажей. Ни одна национальная группа детей не дала нам такого количества сложных законченных пейзажей.

С утверждением, что передача сложных композиций стоит в зависимости от степени владения карандашом, едва ли можно спорить. Естественно, что превосходные рисовальщики-эвенки дали особенно много композиций. Несколько более слабые рисовальщики-ойроты дали их меньше, а русские — совсем мало. Если композиция эвенка разворачивалась больше в сторону сцены, а именно стада, а композиция ойрот в сторону пейзажа, то это могло определяться природным окружением Алтая, широкими горными ландшафтами, каких нет в тайге. Подобно тому как у ойрот количество пейзажей растет вместе в возрастном и школьным классом, так они появляются и начинают господствовать у более старшей молодежи, а именно у молодежи ликпункта. Также и опыт бывшего северного факультета (теперь Институт народов Севера) показал, что эвенкийские юноши, попав в Ленинград, получив в руки все технические изобразительные средства, понемногу перестают изображать отдельные предметы и очень скоро становятся превосходными пейзажистами.

Наибольшее господство изолированных изображений на всех возрастных и школьных ступенях мы нашли у бурят, тоже прекрасных рисовальщиков. Возможно, что это отражало на себе влияние условного декоративного монгольского искусства, в котором пейзаж не встречается, а сложные сцены встречаются редко.

Еще более любопытным фактом, чем преобладающий животный сюжет, явилось то, что у детей оседлых эвенков мы встретили, так же как и у оленных эвенков, исключительно высокое качество изображения форм животных, в то время как качество передачи на бумаге человека, жилого помещения и

растений было значительно слабее. То же мы отмечали в рисунках ойрот и южных бурят и не отметили в то же время у детей русских крестьян-сибиряков, а также у детей бурят Эхирит-Булаганского аймака, живущих рассеянно среди русских и занимающихся хлебопашеством. Влияние на воспроизводящую графическую деятельность охоты и скотоводства находит здесь таким образом как будто бы свое выявление. Напомним, кстати, что превосходное изображение животных, как известно, черта общая даже древнему палеолитическому искусству, как и искусству детей и взрослых многих народов отставших культур—охотников и скотоводов. Очевидно, что у всех у них специфический производственный интерес к животному сочетается с повышенной графической способностью к передаче форм на плоскость.

Следующее, что должно быть отмечено, это — то что изученные нами рисунки детей-эвенков (так же как и рисунки других хозяйственно отсталых, но графически одаренных народов) отличались и превосходной передачей движений. В странах с высокоразвитым хозяйством передача на плоскости движения является, как известно, камнем преткновения не только для детей, но и для многих взрослых художников. Между тем многие дети-эвенки (оленные и оседлые) передавали его легко, шутя, независимо от того, изображали ли они движущееся животное или движущегося человека. Если даже формы живого существа, например, человека, бывали переданы неполно, схематично и неправильно, то позы и движения могли быть переданы изумительно (то же отмечается и другими авторами в отношении рисунков взрослых индейцев, чукчей, вогул и некоторых других народов).

Так обстоит дело с передачей детьми оседлых эвенков отдельных предметов. Отмечая высокую степень передачи ими линейной формы и движения, мы этим еще не хотим сказать, что все они или большинство из них стоят на высокой ступени натуралистической пластической передачи форм, как это имело место у оленных эвенков. У оседлых эвенков из 49 человек лишь шестеро дали натуралистические контурные, сделанные одной линией рисунки, и все они принадлежат, кстати сказать, „горным“ тунгусам. Все остальные ребята, независимо от возраста, давали „чистые“ и „смешанные“ и индивидуальные плоскостные схемы (III ступень по Кершенштейнеру). При помощи светотени не передал пластичности ни один человек. И все-таки даже в схематических рисунках оленей, как две капли воды похожих друг на друга, характерные очертания оленя в большинстве случаев передаются так удачно, что невольно поддаешься очарованию этих рисунков. С другой стороны, схематическая передача формы нередко сочетается при этом с замечательной передачей движения.

Спрашивается: играют ли в процессе созидания этих схем эйдетические способности хоть какую-нибудь роль? Мы склонны думать, что да, тем более, что у нас имеются рисунки, в которых чистая схема фигурирует рядом с натуральной. Надо думать, что в творчестве оседлых эвенков эйдетические элементы играют значительно меньшую роль, чем в творчестве оленных эвенков, более примитивных в своем хозяйстве и в быту.

Даже и наш маленький материал как будто подтверждает выдвигавшееся не раз положение, что переход от охоты и скотоводства к земледелию отражается отрицательно на качестве рисунка. Рисунки оленных эвенков тоньше, изумительнее рисунков оседлых эвенков. Рисунки „горных“ ребят-эвенков определенно лучше со стороны правильности передачи форм рисунков эвенков „береговых“. Если продолжить параллели на нашем материале дальше, то мы должны будем констатировать следующее.

Передача форм животных детьми бурят-скотоводов выше, чем это наблюдается у детей полускотоводов-полужемледельцев ойрот; у последних передача форм животных качественно выше рисунков сибиряков и эвенков земледельцев. С другой стороны, у чистых скотоводов орочен и бурят мы не нашли ни одной „чистой схемы“ (по Кершенштейнеру), а у полускотоводов „береговых“ эвенков и у ойрот таковые в младшем возрасте были в изобилии (у эвенков, возможно, вследствие отсутствия надлежащего навыка).

В общем искусство детей как оседлых эвенков, так и оленных эвенков может быть охарактеризовано как искусство натуралистическое или, по крайней мере, как имеющее тенденцию развиваться в сторону натурализма. Искусство же детей-бурят развивается скорее в направлении искусства условного.

Этот стиль становится особенно ясным, если сопоставить рисунки детей-эвенков с рисунками детей-бурят и ойрот. Возьмем их изображение животных. Формы их передаются и теми и другими прекрасно. У бурят контурная линия особенно тонка и изысканна, но в то же время формы животного у них до известной степени условны, стилизованы. Рисунков определенно эйдетического типа мы не нашли у них ни одного. Если животные в рисунках ойрот и эвенков и изображаются часто движущимися и движения их передаются анатомически правильно, животные кажутся все же как бы застывшими в своих театральных позах (главным образом у бурят). Надо думать, и на этом опять-таки отразилась условная стилизованная живопись Монголии.

Еще два слова о фактуре и цвете. Ребята-эвенки давали нам главным образом черные, контурные рисунки. Лишь немногие из ребят заполняли межконтурное пространство особой штриховкой, как бы передающей особенности мате-

риала (например, шерсть на оленях). Некоторые покрывали свои фигуры сплошной штриховкой, превращая рисунок в силуэт, который долженствовал, очевидно, создавать впечатление трехмерности, передать которую многие эвенки иначе не умели. Пользование для этого светотенью мы не встретили ни в одном эвенкийском рисунке, немногие же передали трехмерность линий. Что касается цветности, то ребята всех трех национальных групп передавали ее лишь очень редко, много реже, чем дети-европейцы, рисунки которых, как мы все знаем, отличаются и яркостью, и большой пестротой.

Среди отобранных нами 145 эвенкийских рисунков, свободных и рисунков по заданию, только 55 штук, т. е. 42%, носили признак цветности. Если же исходить от количества рисовальщиков, то оказалось, что пять человек даже не дотронулись к бумаге цветными карандашами, несмотря на то, что цветные карандаши были даны всем детям.

При рассматривании же раскрашенных рисунков оказалось, что лишь в 14 рисунках (1%) краска была использована как локальная. В 32 случаях ребята пользовались цветными карандашами лишь для контура, без всякого соотношения цвета и действительности, а в 39 случаях дети заливали плоскости одним каким-нибудь цветом и тоже в декоративных целях, делая небо, например, желтым, деревья красными и голубыми и т. п. Еще в других случаях предметы раскрашивались во все цвета радуги; получались полосатые красно-сине-зеленые или зелено-желтые олени, наподобие национальных флагов. Ликпунктовцы 17—20-21 лет от детей не отставали. Очевидно, они просто играли, забавлялись красками, не чувствуя их назначения. Эта нечувствительность к локальному цвету отражала, может быть, влияние местного искусства — меховой мозаики, не знающей цветов спектра. Лучшие рисовальщики-эвенки цветом не пользовались ни в какой форме. Несколько менее скучными относительно краски оказались ойроты и буряты, но и они использовали ее мало и главным образом в декоративных целях.

Наиболее богатую красочность и при этом чаще локальную мы нашли у наших русских ребят-сибиряков.

В результате мы должны были констатировать у обследованных нами детей, главным образом у детей-эвенков, преобладающую культуру линейной формы, контура, а не плоскости, пятна.

Что касается передачи окружающего пространства, то оно в половине случаев детьми оседлых эвенков совершенно не изображалось: изображения отдельных предметов просто разбрасываются по бумаге. Когда же пространство все же изображается, то обычно в виде фриза. Слабые попытки

перспективного изображения окружающего пространства мы нашли лишь у двух ребят-школьников (у взрослых эвенков-ликпунктовцев мы нашли, кроме многоэтажного фриза, еще и сложное плановое построение).

Если у бурят дело с изображением пространства оказалось приблизительно таким же скудным, то у ойрот, по крайней мере у части из них, мы, как уже указывалось, нашли 11 замечательных пейзажистов, с большим искусством передающих большие пространства на малой площади бумаги, использующих многоплановость и настоящую линейную и воздушную перспективу и прекрасно использующих при этом цвет в его нежнейших оттенках. О том, что здесь могла сыграть роль природа Алтая с ее высотами и долинами и ее снежными горами и зеркальными озерами, мы уже говорили.

В результате у нас стал напрашиваться вывод, что среди так прекрасно рисующих ребят имеется некоторое обратное соотношение: чем лучше передача формы отдельных предметов (эвенки, буряты), тем примитивнее изображение окружающего пространства; и, наоборот, чем выше передача последнего, тем относительно слабее передача отдельных форм (ойроты).

Для того, чтобы сделать нашу общую качественную оценку творчества ребят наших сибирских народностей более обоснованной, мы прибегли к „методу компетентных судей“.

Мы обратились за консультацией к двум искусствоведам и одному педагогу и вместе с ними произвели вчетвером расценку всех рисунков по трехбалльной шкале, беря за масштаб приблизительно средний уровень рисунка школьника-москвича. В результате выделены были рисунки, единогласно квалифицированные как „выдающиеся“ в том или ином отношении. Получились следующие данные:

	Всего рисунков	Выдающихся	
		Общ. кол.	% 0/0
Оленные эвенки (орочены)	42	21	50
Оседлые эвенки (тунгусы)	49	17	32
Ойроты	85	30	41
Буряты	114	43	37
Буряты Эхирит - Булаганского аймака	12	1	10
В с е г о .	302	112	36
Русские сибиряки	81	12	13
Москвичи	89	3	3,5
В с е г о .	170	15	8,8

Как ни приблизителен был наш метод обработки материала, но результаты оказались настолько определенными, что мы позволим себе сделать на основании их следующие выводы:

1) среди детей некоторых наших северных народов, находящихся на относительно низком уровне культурного развития, имеется чрезвычайно высокий процент выдающихся детей-рисовальщиков, значительно превышающий процент таковых у русских и особенно у детей-москвичей;

2) этот процент так велик, что есть основание говорить о массовой одаренности к рисованию, если не о поголовной одаренности (в отношении оленных эвенков, например), а не об отдельных способных индивидах;

3) нет никаких оснований говорить о простом подражании, повторении детьми заученных шаблонов. Особенно это относится к оленным и оседлым эвенкам, среди которых изобразительного искусства в настоящее время не имеется вовсе;

4) полученные рисунки—высокого качества, спонтанны и в некоторых случаях создаются без всякой предварительной тренировки.

Глава III

Было бы крайне рискованным решать на основании нашего небольшого исследования вопрос о корнях указанного дарования. На основании его можно лишь сделать несколько предположений.

Так, первое соображение, которое напрашивается, заключается в том, что указания исключительной способности частью зависят от некоторых биологических особенностей, присущих народам Севера. За это говорит большое сравнительно количество натуралистических чисто контурных рисунков, имеющих почти в 100% у оленных эвенков. Некоторые случаи так ярки, что объяснение рисунков особой эйдетической способностью может быть сделано с 100-процентной вероятностью—в 7 случаях из 8 у оленных и в 6 случаях из 49 у оседлых эвенков.

Когда нам приходится наткнуться на такой рисунок у ребенка-москвича, то мы всегда обнаруживаем в нем эйдетику. Эйдетизм — это способность сохранять перед глазами раз виденный образ¹. Эйдетик-рисовальщик просто переносит его мысленно на плоскость и затем просто обводит. Мы не исследовали оленных и оседлых эвенков на эйдетизм, но, по описанию членов экспедиции, процесс выполнения рисунков напоминает как бы обведение карандашом наложенного на бумагу картонного шаблона.

¹ Рекомендуем вниманию читателей следующие книги по эйдетизму: 1) Фейман, „Эйдетизм и школьный возраст“, Госмедиздат 1935; 2) Сборник статей „Основные течения современной психологии“, ГИЗ, 1930, статьи Л. С. Выготского — „Эйдетика“.

Эйдетические корни рисования ничуть не исключают тематической специализации, а мы как раз констатировали исключительно хорошее изображение животных. Среди эйдетиков имеются, по учению Йенша, два типа, из которых тип „Б“ показывает зависимость запечатлевания образов от силы интересов к предмету. Если наши народы Сибири лучше рисуют животных, то, очевидно, среди них господствует тип „Б“: они лучше запечатлевают то, с чем связан их производственный интерес.

Способность оперировать с эйдетическими образами есть могучий механизм более примитивной психики, совершенно необходимый в условиях примитивного хозяйства, примитивной культуры. Эйдетические образы важны главным образом для охоты (при выслеживании зверя), для ориентировки в больших пространствах и в некоторых других случаях, когда у народа нет иных средств для этой ориентировки.

Но объяснить высокое качество рисунков эвенков одним эйдетизмом, конечно, нельзя. Требуется, кроме того, еще тонкое чувство формы, координация глаза и руки.

Возможно, что и здесь играл в отношении рассматриваемых детей охотничий и скотоводческий промысел, требующий громадной, упорной, тщательной наблюдательности природы и животных, гораздо большей, чем это требуется, например, для земледелия. На этот момент и указывают обычно и искусствоведы при объяснении происхождения превосходных рисунков у охотничьих племен.

Несомненно, что эти качества, так же как и предполагаемая эйдетическая способность, в конечном счете зависимы от хозяйственных форм, производственной деятельности и в известной степени от биологических факторов. Задача марксистов-искусствоведов и заключается в том, чтобы вскрыть все эти причины, способствующие развитию художественной одаренности народов примитивной культуры, в том числе и народов Севера.

Утверждение того положения, что наблюдательность и восприимчивость в отношении форм являются качеством не только врожденным, но в известной степени благоприобретенным, качеством не только национальным, но и производственным, покоится для нас отчасти на том, что, например, дети русских сибиряков-земледельцев, являющихся в то же время отчасти и охотниками, дают больший процент хороших рисунков (13%), чем дети-москвичи (3,5%). На ряду с этим у детей бурят Эхирит-Булаганского аймака, живущих в тесном соседстве с русскими в семьях осевших и перешедших на земледелие, качество рисунков несколько ниже рисунков детей русских сибиряков (10 — 13%). В то же время рисунки русских детей, живущих в коренной Бурято-

Монголии, ближе к монгольской границе, дают до 20% выдающихся рисунков (остальные русские, живущие среди эвенков—до 6% только).

В основном, исходя из чисто теоретических соображений, мы полагаем, что выдающаяся графическая продукция народов более примитивных культур с ее чисто художественной стороны определяется особой, более непосредственной установкой их на окружающее, их большей способностью непосредственного вчувствования в окружающее. Этим свойством следует, как нам кажется, объяснить пленяющие даже наших зрелых художников рисовальные достижения многих наших ребят дошкольного и первошкольного возрастов центральных районов, несомненно „линяющие“ с возрастом.

Спрашивается: какова судьба выдающихся графических способностей наших окраинных народов? Не суждено ли и им „вылинять“ под влиянием иных форм производства, под влиянием утраты непосредственности примитивного ума, так же как „линяют“ рисунки наших ребят?

На этот вопрос может быть дан только один ответ. Ответ определяется в первую очередь правильностью проверенной на практике ленинско-сталинской национальной политики. На наших глазах десятки народов, населяющих крайний Север нашего Союза, проходят грандиозный путь культурного и хозяйственного строительства.

Если царская политика искореняла самую память о национальных культурах путем преследования национальных языков, запрещения организации национальных школ, то обратную картину мы видим в настоящее время.

Организована широкая сеть северных национальных школ, широко ликвидируется неграмотность и малограмотность взрослого населения, функционирует сеть педагогических техникумов, подготавливающих кадры преподавателей для северных национальных школ, изданы учебники на языках народов Севера и т. д.

Претворяется в жизнь и по отношению к народам крайнего Севера положение, данное И. В. Сталиным в докладе на XVI съезде ВКП (б), о том, что „период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме“:

Создаются благоприятные условия для развития и обогащения творческой деятельности народов крайнего Севера. Появляются первые ростки национального по форме и социалистического по содержанию искусства. Примером могут послужить рисунки детей народов Севера, попавшие на международную детскую выставку. Они ярко национальны по форме, но содержание их—социалистическое, отобража-

ющие элементы нового советского быта, внедряющиеся в их убогую и нищенскую в прошлом жизнь.

Для того чтобы эти ростки, имеющие в потенции громадные возможности для своего развития, дали бурный рост, необходимо создание определенных условий. В настоящее время путь, по которому должно происходить развитие национального искусства, в значительной степени освещен тем богатым опытом, который имеет в этом отношении на сегодняшний день партия и советская власть. Ярким примером этого может послужить та глубокая, чрезвычайно внимательная и осторожная работа, которая проводилась и проводится с мастерами Палехской артели.

Большой, тернистый путь прошли палехские мастера — от иконы к художественной миниатюре. Максим Горький, в молодости сам учившийся иконному ремеслу, ярко описывает в своей повести „В людях“ жизнь богомазов и процесс производства икон.

Существовали целые иконные „фабрики“ — мастерские. Был хозяин и были рабочие. Происходила жестокая эксплуатация. Существовало „разделение труда“. Машин совершенно не было — вся работа происходила вручную.

И естественно, что „иконопись никого не увлекает; какой-то злой мудрец раздробил работу на длинный ряд действий, лишенных красоты, неспособных возбудить любовь к делу, интерес к нему“ (М. Горький). Совершенно отсутствовали условия для самостоятельного художественного творчества.

Совершенно другую картину мы видим сейчас. „Революция освободила искусство от церковной кабалы. Освобожденный революцией Палех получил возможность говорить красками и линиями о новом и по-новому“. Подведена мощная производственная база под их творческую деятельность. Палешане имеют отличные мастерские и ряд художественных школ, в которых обучается палехская молодежь.

Мы видим наглядно на примере Палехской артели, что в советских условиях, в отличие от судьбы народного искусства в капиталистических странах, фабрика ты не вытесняют искусства. Наоборот, наблюдается огромный рост всех видов народного искусства, в том числе и изобразительного искусства.

Первое условие, необходимое для развертывания самостоятельного изобразительного искусства у народов Севера, это — углубленное, доскональное изучение своеобразия изобразительного творчества народов Севера. Лишь на этой основе при условии культивирования того своеобразия, которое мы находим в художественных произведениях массового национального искусства, может расцвести подлинное искусство народов Севера.

„Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими“ (В. И. Ленин).

О таком искусстве думал Ленин. Такое искусство и должно развиваться у народов крайнего Севера. Наша революция создала такие условия, при которых „...они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм мьял, давил, душил тысячами и миллионами“ (В. И. Ленин).

Первая убедительная попытка в направлении воспитания и дальнейшего развития примитивного национального искусства была сделана на выставке изобразительного искусства народов Севера при Русском музее в Ленинграде зимой 1929-30 г. Опыт художественных мастерских Северного факультета и в дальнейшем кабинета изобразительного искусства Института народов Севера дает возможность наметить основные формы и содержание работы по дальнейшему развитию национального искусства народов Севера.

Опыт работы художественных мастерских Северного факультета охватил два периода. За первый период к молодежи, состоящей из представителей 28 народностей Севера, были применены обычные методы преподавания, культивирующие наши европейские приемы изображения. В результате все обаяние своеобразного художественного подхода к изображаемому у слушателей исчезло и появился мертвый школьный рисунок. Тогда в мастерских был взят новый курс на культуру своеобразия творчества, свойственного нашим народностям Севера, и на временное ограждение их от подражания нашим образцам. Результаты получились совершенно поразительные: подростки и юноши, не знавшие ранее других орудий для своей изобразительной деятельности, кроме ножа и иглы, не знавшие другого материала, кроме кости, дерева, бересты, меха и рыбьей кожи, люди, изображавшие дома, в лучшем случае отдельные предметы или орнаменты, стали теперь, при получении в руки нужных технических средств (карандаш, кисть, бумага, краски), выполнять сложнейшие живописные композиции, поражая красотой форм, сложностью их, разнообразием фактуры, колоритом и т. д. Таким образом были стимулированы совершенно новые творческие возможности.

Было бы чрезвычайно важно повторить этот опыт в значительно более широком масштабе, насаждая в наших национальных районах художественные студии и учредив, быть может, особую Художественную академию.

УКАЗАТЕЛЬ¹

работ по изобразительному творчеству народов примитивных культур

1. Баранова Г. — Материалы по развитию рисунка у юношества и взрослых. II. Рисунок узбечек. Изд. САГУ. Ташкент 1929.
2. Богораз. — Чукотские рисунки. Сборник в честь проф. Анучина. М. 1913.
3. Богораз. — Очерки материального быта оленных чукчей. Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук. 1901. т. 2.
4. Бюлер. — Духовное развитие ребенка. Москва 1924.
5. Волков Ф. И., Руденко С. — Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений. Материалы по этнографии России, т. I. СПб. 1910.
6. Ефименко П. П. — Дородовое общество. Соцэргиз. М. — Л. 1934.
7. Иохельсон В. — По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена.
8. Иохельсон В. — Предварительный отчет об исследовании Колымского и Верхоянского округов.
9. Кершенштейнер. — Развитие художественного творчества ребенка. 1914.
10. Кюн-Гербет. — Искусство первобытных народов. ОГИЗ. Ленизгиз. 1933.
11. Лебедев В. В. — Рисунок деревенских детей (рисунки детей вотяков, карел и русских, живущих в пределах Карелии). Лоикфун. Ленинград 1928.
12. Леонов. — В дебрях Севера. Журн. „Просвещение национальностей“. 1930.
13. Лушан Ф. — Народы, расы и языки. Перевод с немецкого. Л. 1925.
14. Марков В. — Искусство негров. Изд. Отдела изобразительных искусств НКП. Петербург, 1919.
15. Марков В. — Искусство острова Пасхи. СПб. 1914. Изд. об-ва художников „Союз молодежи“.
16. Миллер А. А. — Первобытное искусство. Кн. 1. Истории искусств всех времен и народов. Изд. П. Сойкина. Л. 1929.
17. Жак де Морган. — Доисторическое человечество. Серия „Природа и культура“. Кн. 18. Госиздат 1926.
18. Нидерле Л. — Человечество в доисторические времена. СПб. 1898.
19. Никольский В. К. — Очерк первобытной культуры. 3-е изд. М. 1928.
20. Обермайер Г. — Доисторический человек. Перевод с немецкого. СПб. 1914. Есть специальная глава об искусстве (стр. 254 — 297), несколько устаревшая.

¹ Составлен В. М. Гур-Гуревичем.

21. Осборн Г. — Человек древнего каменного века — среда, жизнь, искусство. Перевод с английского под ред. Б. Вишневого. Л. 1924.
22. Петри. — Народное искусство в Сибири. Иркутск 1923.
23. Плеханов. — Письма без адреса. Собрание сочинений, Т. XIV. Изд. И-та Маркса и Энгельса.
24. Плеханов. — Конспект реферата „Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории“. Журн. „Литературное наследство“. № 1. 1931.
25. Пунин, Месс, Преснев, Шнейдер, Сорокин. — Искусство народностей Сибири. Сборник статей. Изд. Гос. Русского музея. Ленинград. 1930.
26. Ратнер-Штернберг С. А. — Музейные материалы по тлингитскому шаманству. Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук. Т. VI. Л. 1927.
27. Ратнер-Штернберг С. А. — Музейные материалы по тлингитам — церемониальные принадлежности. Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук. Т. VIII. Л. 1929.
28. Религии наименее культурных племен. Сборник материалов. ОГИЗ 1931.
29. Руденко С. И. — Графическое искусство остяков и вогулов. Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. 1929.
30. Рыбников. — Детские рисунки и их изучение. 1926.
31. Сборник — Искусство народов СССР. Вып. I. ГАХН. 1927.
32. Сборник — Искусство народов СССР. ГИЗ 1930.
33. Тахтарев К. М. — Очерки по истории первобытной культуры. Первобытное общество. ГИЗ 1922.
34. Требуховский И. — Детский рисунок туземных народов Сибири. 1926.
35. Ферворн. — Речи и статьи. 1910.
36. Хороших. — Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири. 1925. Изд. этнолог. секции В.-С. отд. РГО.
37. Хороших. — Задачи изучения изобразительного искусства бурят. Журн. „Жизнь Бурятии“ 1925; журн. „Бурятский кооператор“ 1923; отд. изд. „Этногр. бюллетень“. Иркутск 1923, 2 — 3.
38. Шаргородский С. — Об юкагирских письменах. Журн. „Землеведение“ 1895. Т. II. № 2.
39. Шульц-Мезье Ф. — Остров Пасхи. Перевод с немецкого. ОГИЗ 1931.
40. Шуберт. — Дитя и народ-художник. Журн. „Психология и дети“. 1917.

Рис. 1 — Кости Никифорова, мальчика оленного эвенка, 15 лет. Свободный рисунок. Раньше рисовал. Передача движения не только у превосходно изображенных животных, но и у примитивно изображенного человека.

Рис. 2 — Александра Сиватеева, 9 лет, горного эвенка, неграмотного. Свободный рисунок. Сложная композиция — стадо оленей. Контурные «эйлетические» рисунки. Исключительно удачная передача движения.

Рис. 3 — Егора Платонова, 14 лет, горного эвенка, неграмотного. Свободный рисунок. Сложная композиция — стадо оленей. Отчасти схематическое, отчасти контурное, «зигзагическое» изображение. Удачная передача фигур оленей в движении.

Рис. 4 — Андрея Давилова, юноши оленего эвенка, 21 г., бывшего 1 год рабфаковцем. Свободный рисунок. Раньше рисовал.

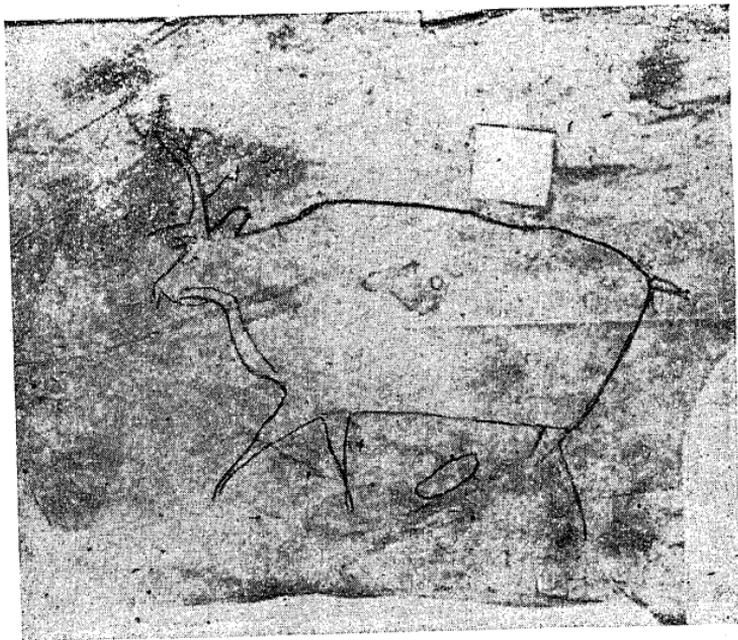

Рис. 5—Тани Никифоровой, девочки оленнего эвенка, 10 лет. Свободный рисунок (незаконченный). Раньше не рисовала.

Рис. 6 — Павла Марнова, мальчика оленнего эвенка, 15 лет. Свободный рисунок. Раньше не рисовал.

Рис. 7 — Арамхя Ханкисова, 12 лет, мальчишка-бурята с о-ва Ольхона на Байкале, сына скотовода-охотника. Свободный рисунок. Композиция сжата. Высокая ступень пластической, линейной передачи форм коров и быков. Передача натуралистическая. (Из коллекции П. П. Хороших.

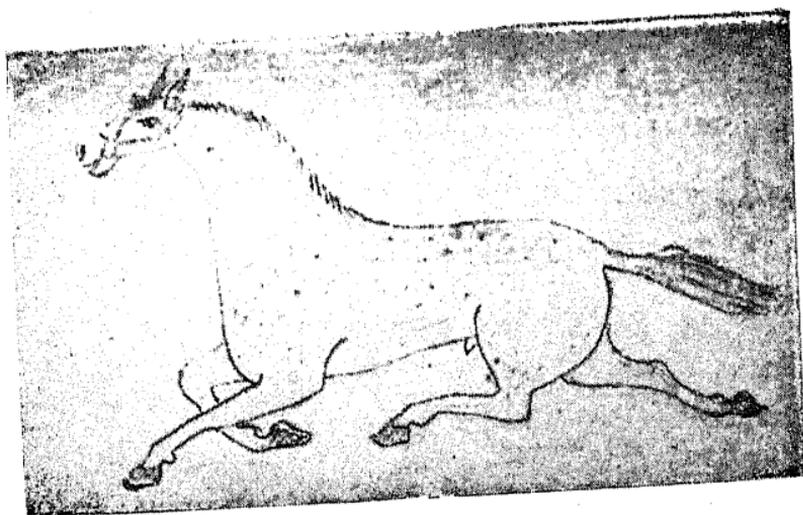

Рис. 8 — И. Стелина, мальчика-бурята Тункинского аймака, 11 лет. Свободный рисунок. Изолированное изображение коня. Высокая степень пластической линейной передачи форм животного. Их некоторая изысканность, стилизация. Удачная передача движения. Тело коня окрашено в светлоголубой (!) тон.

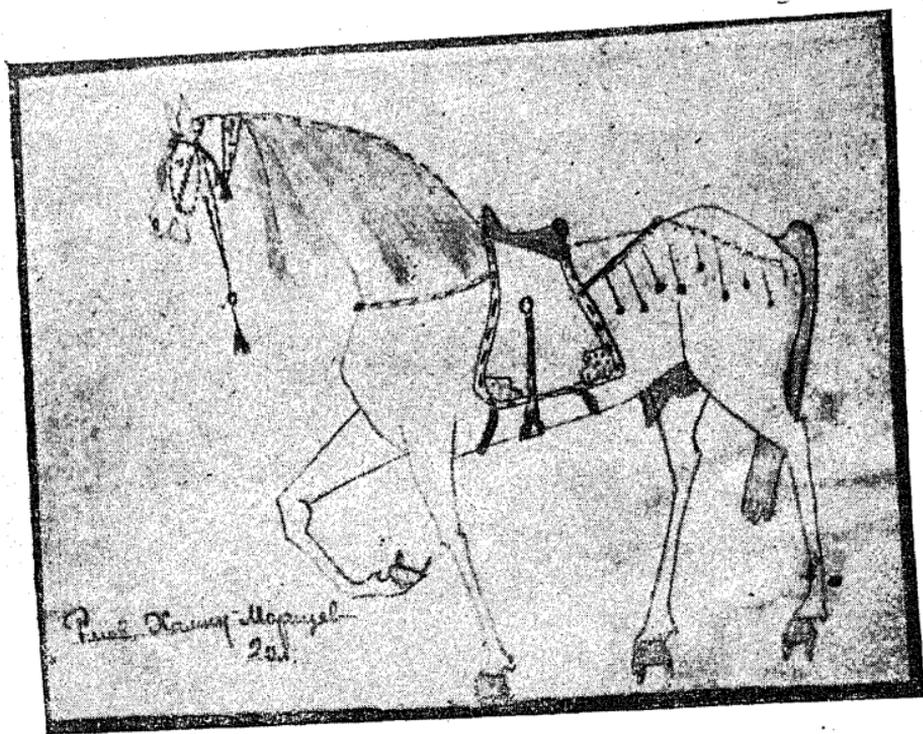

Рис. 9 — Хану, Марицева, 20 лет, бурята скотовода-охотника с острова Ольхона на Байкале. Свободный рисунок. Изолированное изображение коня. Характерна передача форм животного. Рисунок изысканный, стилизованный. Как бы застывшая во время движения поза животного.
(Из коллекции П. П. Хороших).

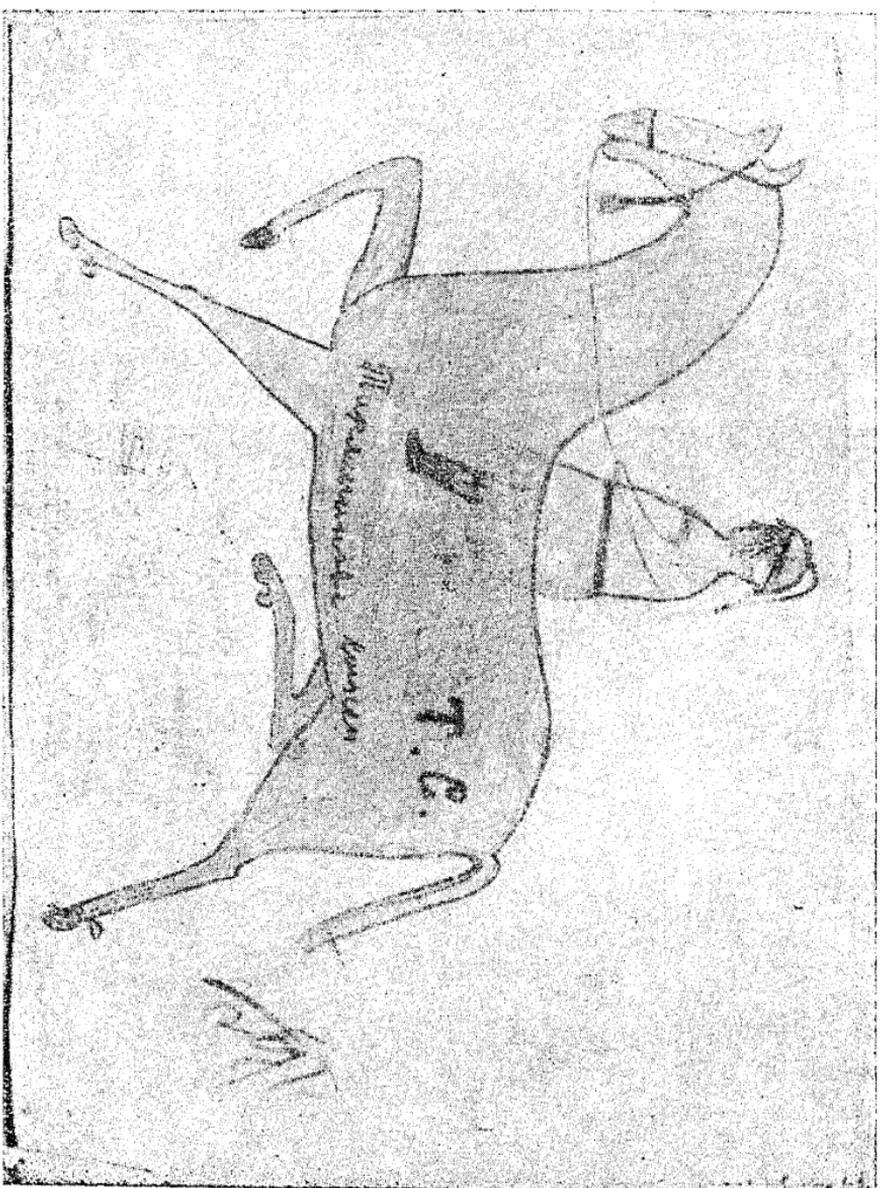

Рис. 10. — Таряшинова Сырена, мальчишка-бурята Туннинского аймака, 11 лет, уч. II кл. Свободный рисунок. Изолированное изображение коня с наездником. Формы коня переданы много лучше форм человека. Передача коня несколько изысканная, стилизованная. Дана

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие В. М. Гур-Гуревича и Л. А. Месса	3
Введение	11
Глава I. Организация исследования	17
Глава II. Анализ детских рисунков	20
Глава III. Условия развития изобразительной одаренности	32
Приложения:	
Краткий литературный указатель	37
Таблицы рисунков детей эвенков и бурят.	